

Н. Н. РОЗОВ

Рукописная традиция «Слова о законе и благодати»

Прошло уже более полутора столетия, как был обнаружен и введен в научный оборот замечательный памятник литературы Киевской Руси — «Слово о законе и благодати», который сразу же привлек к себе внимание исследователей, не ослабевающее до настоящего времени. Без характеристики или упоминания этого произведения не обходится ни одно современное исследование по истории Киевской Руси, ни один курс истории нашей страны, не говоря уже об исследованиях и учебниках по истории русской литературы.

Однако специальных исследований «Слова о законе и благодати» не появлялось уже более 50 лет, хотя до сих пор остаются нерешенными важнейшие вопросы, связанные с происхождением этого произведения, не выяснены его источники и методы их использования в целях раскрытия идейно-политического содержания «Слова». Достаточно сказать, что до сих пор еще не доказано, был ли известный киевский митрополит Иларион, живший в первой половине XI в., автором этого произведения, хотя уже более ста лет оно связывается только с одним этим именем.

Первое упоминание о «Похвале великому князю Владимиру», содержащейся в «харатейной» рукописи 1414 г. из собрания А. И. Мусина-Пушкина, появилось в 1806 г. в первом труде по русской палеографии — известном «Письме о камне Тмутараканском» А. Н. Оленина, где было дано описание рукописи и воспроизведено факсимиле трех строк из заглавия этого произведения, снятое известным палеографом А. И. Ермолаевым. На ту же рукопись ссылается и Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского».¹ В 1839 г. профессор Кафедры римской словесности Московского университета А. М. Кубарев нашел новый список «Слова о законе и благодати» в пергаменной рукописи XV в. из собрания И. Н. Царского.² Наконец, в 1844 г. это произведение было впервые опубликовано известным ученым-археологом протоиереем А. В. Горским по новому, более позднему, но и наиболее полному списку Синодального собрания с разночтениями по трем спискам.³ А. В. Горский первый связал «Слово о законе и благодати» с именем митрополита Илариона, основываясь на анализе содержания этого произведения, а также на том, что в рукописи Синодального собрания вслед за «Словом о законе и благо-

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1818, прим. 110.

² По этой рукописи «Слово» было впоследствии издано О. М. Бодянским с «разнословиями» по четырем спискам (ЧОИДР, 1848, № 7). Публикация Бодянского была перепечатана Ф. Г. Калугиным (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 1. СПб., 1894).

³ Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I (Прибавление к творениям св. отцов в русском переводе, ч. 2. М., 1844).

дати» идет «Исповедание веры», подписанное «мнихом и пресвитером Иларионом». Горскому принадлежит и датировка этого произведения на основании двух известных по летописям дат: освящения церкви Благовещения в Киеве, о которой говорится в «Слове» (1037 г.), и смерти жены Ярослава Мудрого Ирины (1050 г.), упоминаемой в этом произведении.

Если датировка «Слова о законе и благодати», отнесение его ко времени Ярослава Мудрого, не вызывает сомнений, так как подтверждается всем содержанием произведения, то приписывание его Илариону не имеет еще неопровержимого доказательства: Иларион мог быть автором «Слова о законе и благодати», но еще не доказано, что он им является.⁴

Большие разногласия и споры вызвал в свое время вопрос об идейно-политическом содержании «Слова», о его тенденциозности. В нем находили антииудейские, антигреческие и антиболгарские тенденции; каждая из таких «находок» вызывала больше возражений, чем согласия исследователей, что способствовало умножению литературы по изучению «Слова о законе и благодати». Итогом дореволюционных исследований идейно-политического содержания «Слова» можно считать определение его как «первого опыта философии русской истории, имеющего целью определить место России во всемирной истории ... указать главную идею русского государства».⁵ Важнейшее политическое значение этого произведения подчеркивается и современными исследователями. «„Слово о законе и благодати“ — речь политическая, отражающая запросы и нужды русской действительности, написанная с искренним патриотизмом, пронизанная острой историкофилософской мыслью»; значение «Слова» «приближалось к значению настоящей государственной декларации».⁶

Спорным и до сих пор нерешенным является вопрос об источниках «Слова о законе и благодати». О. М. Бодянский считал, например, что «Слово» указывает на существование на Руси уже в то время всей Библии в переводе.⁷ Это утверждение, расширяющее представления о репертуаре русской книги XI в., вызывает, однако, серьезные возражения.

Решение вопросов, связанных с происхождением «Слова о законе и благодати», определение его идейно-политического содержания, источников, наконец — его места и значения в истории русской политической мысли и литературы затрудняются отсутствием критического научного издания. Кроме упомянутых выше изданий, отдельные списки этого произведения издавались А. И. Соболевским,⁸ В. И. Срезневским,⁹ А. В. Багрием¹⁰ и, наконец, Ф. И. Покровским, издавшим фрагмент «Слова» по самой ранней его рукописи XII—XIII вв.¹¹ Необходимо полное издание всех редакций и вариантов «Слова», основанное на изучении его рукописной традиции.

Обзор рукописей «Слова о законе и благодати» впервые был сделан академиком Н. К. Никольским, кратко описавшим 32 списка этого произведения, разделенные им на четыре редакции.¹² Произведенные автором настоящей статьи розыски списков «Слова» дают возможность допол-

⁴ И Н Жданов, Собр. соч., т. I, СПб., 1904, стр. 40.

⁵ В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 93.

⁶ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1958, стр. 45.

⁷ ЧОИДР, 1848, № 7, стр. XIII.

⁸ Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 2. Киев, 1888.

⁹ Записки Академии наук, т. 72, прилож. 5, 1893.

¹⁰ Киевские университетские известия. Киев, 1911, № 10.

¹¹ ИОРЯС, т. XI, 1906.

¹² Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 82—86.

нить перечень Н. К. Никольского еще 12 списками; текстологический анализ всех списков «Слова» подтверждает правильность выделения Никольским только трех его редакций. Что же касается произведения, названного Никольским «толковой» редакцией, или «изводом» «Слова»,¹³ то его следует отнести не к редакциям, а к одной из позднейших переработок, к примерам использования этого произведения в чисто богословских целях, для толкования священного писания. К позднейшим переработкам «Слова о законе и благодати» следует отнести еще два произведения, в которых «Слово» использовано не в богословском, а в историческом аспекте: «О крещении русския земли и от жития вкратце и похвала ... князя Владимира» (в рукописях XV—XVI вв.: ГБЛ, Троицк. 678/413; ГБЛ, МДА 9/95 и ГПБ, Погод. 1563; в первых двух оно предшествует «Слову о законе и благодати») и «Почтение на память ... князя Владимира» (в рукописи XVI в.: ГБЛ, МДА, Волок. 233/659).¹⁴

Помимо «Слова о законе и благодати» были обследованы списки так называемой «Молитвы св. Илариона», причем, кроме находки новых списков и уточнения перечня их, сделанного Никольским, было установлено существование двух ее редакций — краткой и пространной, что не было отмечено Никольским.

Изучение переработок «Слова» и приписываемой Илариону «Молитвы» очень важно для определения места и значения произведений, связываемых в истории русской литературы с именем первого русского митрополита.

Итак, «Слово о законе и благодати» известно в настоящее время в трех редакциях.

Первая, полная редакция представлена единственным списком, обнаруженным и опубликованным в свое время А. В. Горским, содержащимся ныне в рукописи ГИМ, Синод. 591. Это сборник начала XVI в., написанный полууставом на 213 листах в четверку. Содержание сборника составляют: «Палея историческая» (лл. 1—142), известный апокриф «Откровение Мефодия Патарского» (лл. 142—167), «Слово о законе и благодати» с примыкающей к нему и названной в заглавии «Слова» в качестве его составной части «Молитвой», за которой, с красной строки, следует «Исповедание веры», заканчивающееся припиской «мниха и пресвитера Илариона» (все эти произведения занимают лл. 168—203). Заканчивается сборник сочинением о литургии Григория Богослова.

Что касается публикации произведений, приписываемых А. В. Горским митрополиту Илариону, то она сделана достаточно точно, но с заменой некоторых архаических грамматических форм и слов преимущественно употреблявшимися в то время богословскими терминами. Это в первую очередь относится к важнейшему для определения содержания главного произведения Иларионовского цикла слову «благодать», которое в рукописи, везде, где оно написано без титла, обозначено другим словом — «благодеть».¹⁵ Публикация сопровождается вводной статьей, в которой

¹³ Опубликовано им в СОРЯС (т. LXXXII, 1907, № 4).

¹⁴ Первое из этих произведений (по последнему из перечисленных списков) было опубликовано А. И. Соболевским (Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 2); второе включено Н. К. Никольским в перечень списков «Слова о законе и благодати» с оговоркой «Не переделка ли это Иларионова Слова?» (Н. К. Никольский. Материалы..., стр. 85).

¹⁵ Оба эти слова приведены в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. I, столб. 96 и 98). Первое из них соотнесено с греческим словом *χαρις*, словом полисемантическим, обозначающим самые различные понятия, начиная с житейских «радость», «красота», «привлекательность», «благосклонность», «уважение» и др., кончая религиозно-мистическим значением этого слова — «благодать», тем самым,

обосновываются авторство митрополита Илариона и датировка «Слова о законе и благодати», а также ставится вопрос об авторе других произведений древнерусской письменности, обозначенных именем Илариона. Издание снабжено переводом «Слова» (вместе с «Молитвой») и «Исповедания веры» на современный русский язык, в котором курсивом выделены библейские цитаты с указанием их источников.

Вторая, «усеченная» редакция «Слова о законе и благодати», в конце которой отсутствует пространная «Похвала Ярославу Мудрому», имеющаяся в первой редакции, — самая распространенная в рукописной книжности: она известна в 30 списках. К этой редакции относится старейший список «Слова» — его фрагмент в рукописи XII—XIII вв., обнаруженный Ф. И. Покровским среди отрывков пергаменных рукописей, присланных в 1869 г. из Финляндии, где этот лист был использован в качестве архивной обложки. Отрывок этот драгоценен не только по своей древности, но и потому, что вносит ясность в соотношение редакций «Слова»: он содержит одну из тех частей «Слова», где в третьей его редакции была сделана большая вставка, отсутствующая в данном списке; некоторые же различия с Синодальным списком не позволяют отнести этот фрагмент к первой редакции.¹⁶ Оба эти обстоятельства дают основание отнести этот отрывок ко второй редакции, к которой принадлежит большинство других древних рукописей «Слова о законе и благодати», рукописей XV в. и в числе их найденный Кубаревым и опубликованный Бодянским пергаменный список Уваровского собрания (бывшего собрания Царского № 1772/509) в ГИМе.

Текстологический анализ списков второй редакции приводит к выводу о том, что наиболее близким к архетипу является список первой половины XV в. — ГИМ, Чуд. 262. Это Сборник житий и поучений, написанный полууставом в лист, на 556 листах. На л. 404 об., непосредственно перед началом «Слова о законе и благодати», имеется приписка писца, датированная 6952 (1444) г.

Различия остальных списков этой редакции с Чудовским, не имеющие существенного значения, умножаются по мере их хронологического удаления от архетипного текста, главным образом за счет модернизации лексики. Так, например, титул князя Владимира, обозначенный в Чудовском и другом древнейших списках «Слова о законе и благодати» старинным словом «каган», в списках XVI в. заменяется словом «князь» и «государь», к которым в XVII в. прибавляется церковная титулатура: «благоверный и равноапостольный», «святой». Архаическая форма «съл», сохраненная в Чудовском списке, постепенно превращается в «посол»; не менее архаическая форма того же списка «гръздится» переходит в «гроз-

в котором это слово употребляется богословами и в числе их первым издателем «Слова о законе и благодати». Второе слово соотносится Срезневским с тем же греческим *χάρις* и с латинским «*gratia*», но в материалах, приводимых им, дается и в качестве перевода *eudæmonia*, что значит «доброе дело», «благодееяние», «услуга», т. е. понятия исключительно реальные, житейские. Поэтому не следовало бы при издании «Слова о законе и благодати» заменять последнее слово, а нужно передавать его так, как оно обозначено в Синодальном и многих других списках этого произведения.

¹⁶ Фотография этого фрагмента воспроизведена в книге «Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР (вып. 2, М.—Л., 1958, стр. 88). Любопытно отметить, что И. И. Срезневский, опубликовавший впервые сведения об этой рукописи и отрывки из нее, не узнал в них «Слово о законе и благодати» и назвал второй отрывок «серединой слова о богочеловеке» (И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. 2, СПб., 1876, стр. 14). И. И. Срезневский, между прочим, пишет, что «по начертанию некоторых букв» этот отрывок может быть отнесен к XII в. и что его «письмо... любопытно особенно тем, что, как кажется, сделано не пером, а тростью» (там же, стр. 6).

дится» и в позднейших списках искажается, заменяясь словами «гордится» и даже «грозится». Библейские цитаты, которыми насыщено все это произведение, изменяются лексически соответственно изменению языка богослужбных книг, в которых они употребляются.

Наконец, в более поздних списках некоторые краткие характеристики и религиозно-нравоучительные сентенции развертываются в пространные за счет усиления витиеватости стиля и увеличения панегирического элемента. Например, в ранних списках про русских князей — Владимира и его предков — говорится просто, но ярко: «не в худе бо и в неведоме земле владычствоваша, но в Руской, яже ведома и слышима есть всеми конци земля»; в одном из поздних списков Русская земля дополнительно характеризуется как «преславная и великая», а «каган наш Владимир» величается далее как «великий от великих государь наша земля». ¹⁷

Отмеченные особенности свойственны и единственному списку первой редакции, поскольку он относится к XVI в. Поэтому архетип первой редакции можно восстановить лишь с помощью Чудовского списка, а также списка ГИМ, Муз. 207/1772 XV в., имеющего целый ряд разночтений, сходных с первой редакцией. Для восстановления архетипа Синодального списка следует отбросить некоторые наслоившиеся на него религиозно-нравоучительные сентенции и заменить неологизмы.

Так, например, в конце «Слова», в похвале князю Владимиру, во второй редакции приводится цитата из Евангелия: «иже исповесть мя пред человеки, исповем и аз пред отцем моим, иже есть на небесех», — отнесенная к деятельности Владимира (далее говорится: «колико ты похвален имаши быти, не токмо исповедав . . . но и веру уставь по всей земле сей»). В списке первой редакции и близком к нему Музейском списке между приведенными фразами вставлена еще одна, не изменяющая смысл этой похвалы, но лишь ее распространяющая: «да еще исповедания приемлет о себе от Христа к богу отцу, исповедавый его токмо пред человеки. . .». Из примеров замены архаизмов, встречающихся в списке первой редакции, укажем один наиболее характерный. В Чудовском, как и в большинстве других древнейших списков, сохранилась очень редкая форма причастия страдательного залога от глагола «мънити» — «мъномый»: «Христос славим бывает, а иудеи мъноми». В близком к первой редакции Музейском списке второй редакции, который уже назывался выше, это слово искажено и превратилось в «мнози», а некоторые позднейшие списки дают форму «многими». Эти искажения, не имеющие в данном контексте никакого смысла, указывают, что в оригинале музейского списка была форма «мъноми». В списке же первой редакции эта архаическая форма заменена той же грамматической формой от глагола «клясть»: «Христос славим бывает, а иудеи кленоми».

Наконец, следует отметить одну явную модернизацию текста «Слова о законе и благодати» в сохранившемся списке первой его редакции, модернизацию несколько иного, чем в приведенных примерах, свойства. В той же заключительной части «Слова», в «Похвале князю Владимиру», отмечается (в сравнении его с Константином Великим), что он «принесе крест от нового Иерусалима». В Синодальном списке здесь упомянута княгиня Ольга, о которой ни в одном списке «Слова» нигде не говорится, хотя вначале и перечисляются знаменитые предки Владимира. Вставка эта могла быть сделана только после канонизации Ольги, последовавшей не ранее XIII в. ¹⁸

¹⁷ Рукопись середины XVI в. (ГПБ, Погод. 645).

¹⁸ В. Васильев. История канонизации русских святых. — ЧОИДР, 1893, № 3, стр. 75.

Все приведенные примеры говорят о том, что дошедший до нас единственный список первой редакции «Слова о законе и благодати» дает его несколько измененный, лексически модернизированный текст. Поэтому для восстановления архетипного текста первоначальной редакции этого произведения необходимо использовать древнейшие списки его последующих редакций, особенно второй, отличающейся от первой лишь отсутствием концовки, содержащей похвалу Ярославу Мудрому. «Отсечение» этой концовки было сделано, конечно, неспроста, а с явной целью приуменьшить и свести почти на нет восхваление в «Слове» сына и наследника князя Владимира, что дает основание для разделения этих двух редакций; однако в остальном содержание «Слова о законе и благодати» в его второй редакции не подверглось переработке.

Третья редакция «Слова» представлена довольно компактной (в смысле незначительности разночтений) группой из 10 списков. Два из них фрагментарны: один (рукопись конца XV в.: ГПБ, Кир.-Бел. 134/1211) состоит из двух отрывков первой части «Слова», второй (рукопись XV в.: ГПБ, Сол. 940/830) представляет его заключительную часть — «Похвалу князю Владимиру». Старейшим в этой редакции является список Мусин-Пушкинского собрания 1414 г., упомянутый в начале настоящей статьи и погибший вместе со всем собранием в 1812 г. С этого сборника, кроме факсимиле трех строк заглавия «Слова о законе и благодати», А. И. Ермолаевым была снята копия, хранящаяся в настоящее время в ГПБ (шифр Ф. I. 295).¹⁹ К концу XV в., кроме названного выше фрагмента, относится еще один, полный и исправный список в сборнике 1494 г. из Соловецкого монастыря (ныне в ГПБ — Сол. 518/537).

Основным отличием третьей редакции «Слова о законе и благодати» от двух остальных является вставка в его текст двух довольно больших кусков. Первый из них, вставленный в самом начале «Слова» и озаглавленный «Слово о Христе и Адаме», представляет собой образец довольно распространенного в богословской литературе толкования образов и событий Нового завета с помощью соотнесения их с персонажами и эпизодами Ветхого завета. Второй отрывок представляет собой также выписки из Библии — из книг пророков. Он весь целиком заимствован из «Повести временных лет», что давно уже было отмечено исследователями.

Тенденция к большему, чем в первых двух редакциях, использованию Библии как в цитатах, так и в толкованиях, заметный налет начетничества чувствуется на протяжении всего текста третьей редакции, что, наряду со вставками, не разъясняет, а усложняет и перегружает содержание «Слова». Чувствуется, что эта редакция вышла из-под пера богослов-книжника, которого интересовал больше не исторический и патристический элемент идейно-политического содержания этого произведения, а его религиозно-казуистическая часть. Он увеличил, например, объем многих цитат священного писания, добавляя и распространяя их либо из тех же источников, либо от себя, явно пытаясь переделать «Слово» из произведения ораторского, злободневного, публицистического в сочинение религиозно-нравоучительное. Эти попытки, быть может, послужили причиной для включения именно третьей редакции «Слова» в состав Великих Четьих миней, хотя здесь могло сыграть роль еще одно обстоятельство: все списки третьей редакции «Слова о законе и благодати» XV и XVI вв. новгородского происхождения.

¹⁹ По копии, снятой с Ермолаевского списка (БАН, 24.4.41), Мусин-Пушкинский сборник был издан И. И. Срезневским.

В старейшем списке третьей редакции — в Мусин-Пушкинском сборнике в записи писца упомянуты новгородские архиепископ и посадник, а в тексте его имеются особенности новгородского говора. Следующий по старшинству список — Соловецкий 1494 г. сходен по составу с предыдущим: все входящие в Мусин-Пушкинский сборник произведения в нем имеются, переписаны в том же порядке и составляют отдельную главу. Кроме того, Соловецкий список имеет указание на его написание в Вологде, и есть основание считать его принадлежавшим основателю библиотеки Соловецкого монастыря игумену Досифею, который, как известно, собирал и списывал книги в Новгороде и его области.²⁰ Следующие три списка XVI в. входят в состав Четьих миней (Успенский и Царский списки в ГИМе, Софийский список в ГИБ), зародившихся, как известно, в Новгороде; еще четыре принадлежат библиотекам новгородского Софийского собора, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, входивших в новгородскую епархию. Новгородское происхождение древнейших списков третьей редакции «Слова о законе и благодати» проливает свет на ее возникновение: эта редакция несомненно связана с культом князя Владимира, установленным, как предполагают исследователи, в Новгороде в 1240 г., после побед Александра Невского.²¹

Если без особого труда удастся локализовать третью, новгородскую редакцию «Слова о законе и благодати», то не так легко это сделать со второй (первую редакцию, без всякого сомнения, следует связать с Киевом, что подтверждается всем ее содержанием).

Из 30 списков второй редакции только один список начала XVI в. имеет запись о написании его в Киеве, что не должно удивлять, так как хорошо известно, что в Киеве, столько раз подвергавшемся разорению от междоусобных войн и татарского нашествия, почти не осталось книг. Рукописное наследие литературы Киевской Руси сохранила ее преемница — Владимиро-Суздальская Русь и от нее приняло Московское государство. На Владимиро-Суздальской Руси и сохранилась, одновременно с Новгородом, рукописная традиция «Слова о законе и благодати», донесшая до нас текст этого произведения без переработок, лишь с «усеченным» концом, без «Похвалы князю Владимиру», которая вне времени и места своего появления не была уже актуальной и нужной. На Владимиро-Суздальской Руси, стольный город которой был основан внуком Ярослава Мудрого — киевским князем Владимиром Мономахом, память Владимира Святославича имела скорее историческое, точнее династическое, чем культовое, как в Новгороде, значение.

Итак, картина распространения рукописной традиции «Слова о законе и благодати» может быть представлена в таком виде. Созданное в Киеве при Ярославе Мудром, это произведение затем переписывалось, распространялось и эволюционировало в двух обособленных друг от друга в период феодальной раздробленности областях Русской земли — во Владимиро-Суздальском княжестве и в Новгороде, что обусловило появление двух последующих редакций «Слова». Одну из них можно условно назвать владимиро-суздальской, другую, более очевидно связанную с некоторыми местными условиями, с установлением церковного почитания князя Владимира в частности, можно более определенно назвать новгородской. Последняя редакция и дошла до нас в немногочисленных, почти исключительно новгородских рукописях, в то время как вторая,

²⁰ Об этом см. в кн.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, ч. 2. Казань, 1885, стр. 358.

²¹ В. Васильев. История канонизации русских святых, стр. 81.

самая распространенная переписывалась и сохранялась во многих городах Владимиро-Суздальской земли, а позднее и Московского государства.

Анализ состава рукописей, в которых имеются списки «Слова о законе и благодати», произведенный при обследовании его рукописного наследства, также подтверждает сказанное выше.

Начнем с тех немногочисленных, но драгоценнейших сведений, которые нам дает древнейший список «Слова» — его фрагмент в рукописи XII—XIII вв. Это развернутый пергаменный лист, являвшийся некогда нижним листом тетради какой-то книги (о том, что это именно нижний лист, говорит характер его поверхности и сгиба, а также и то, что он содержит отрывок «Слова», начинающийся, судя по другим уставным рукописям, примерно через 3 или 4 листа от его начала). Отрывок «Слова» написан на лицевой и оборотной сторонах правой (от сгиба) части листа; левая часть содержит конец какого-то «Слова о воскресении» и начало слова «О твари и дне, рекомом неделя».²² Все это свидетельствует о том, что перед нами фрагмент сборника «слов» и поучений, произведений ораторского искусства, в который «Слово о законе и благодати» попало совершенно естественно, соответственно своему жанру и назначению.

Следующий по старшинству список второй редакции «Слова» — Чудовский, как указывалось выше, список архаичный, сохранивший многие черты своего протографа, входит в состав сборника житий и поучений, где «Слово» помещено опять-таки среди однородных ему по жанру произведений — между «словами» на Пятидесятницу и на Успение. В остальных шести списках XV в. второй редакции «Слово о законе и благодати» содержится в таком же окружении; это все сборники «слов» и поучений, в которых «Слово» встречается в самых различных местах: иногда, как в Чудовском списке, между циклом «слов» Цветной триоди и служебных миней, иногда просто среди поучений Златоуста, Василия Великого и других отцов церкви. В одном же списке этой редакции, относящемся ко второй половине XV в., «Слово о законе и благодати» помечено уже определенным днем — 15 июля, датой, когда было установлено церковное празднование князю Владимиру, что не является случайным: это Четья миней из библиотеки новгородского Софийского собора. Большинство следующих по старшинству списков второй редакции «Слова», списков конца XV и XVI вв., имеют эту же дату, что является очевидным следствием влияния Четрых миней.

Интересно и важно отметить, что список второй редакции «Слова», написанный в Киеве (рукопись начала XVI в.: ГБЛ, Егоровск. 875), не имеет даты 15 июля. Это «Златоструй», в котором «Слово» помещено опять-таки после поучения на Пятидесятницу, перед минейным чтением на 27 января.

Что касается списков третьей редакции «Слова о законе и благодати», то все они, начиная с древнейшего, Мусин-Пушкинского, приурочены к 15 июля и находятся среди других произведений, возникших с установлением церковного почитания князя Владимира, рядом с «Памятью» и «Похвалой» Иакова мниха, Житием и, наконец, службой «равноапостольному» князю. Под этой датой третья редакция вошла и в макарьевские Четьи миней.

Знакомство с окружением «Слова о законе и благодати» в рукописях наглядно показывает, как из публицистического, если не сказать политического, ораторского произведения оно постепенно превратилось в житийное, приуроченное к религиозному культу князя Владимира, восхвалению

²² Опубликовано И. И. Срезневским (Сведения и заметки... , вып. 2, стр. 31—32).

государственных, а не религиозных заслуг которого оно было посвящено в своей первоначальной редакции. Однако светское, патриотическое содержание «Слова» при всех переделках явно противоречило церковно-ритуальному использованию, чем и следует, очевидно, объяснить, что его широкое распространение ограничилось XVI в., — в рукописях XVII в. оно известно лишь в нескольких случаях.

Чисто ритуальное употребление имела так называемая «Молитва святого Илариона», переписанная писцом Синодального сборника, сохранившего первоначальную редакцию этого произведения, в конце «Слова» как его составная и заключительная часть. Отдельно эта «Молитва» встречается во многих и притом более ранних списках в двух редакциях — краткой (известно 6 списков) и пространной (7 списков).

К краткой редакции «Молитвы» относятся древнейший ее список, содержащийся в рукописи XIV в. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ныне в ГБЛ — Троицк. 254/190), и 5 списков XV—XVII вв., в числе которых два списка из библиотеки Соловецкого монастыря и один — из новгородского Софийского собора. Принадлежность трех, т. е. половины, известных списков этой редакции к Новгородской земле дает основание для предположения о новгородском происхождении этой редакции; последнее подкрепляется и тем, что в конце «Молитвы» в ее древнейшем списке упоминаются князь и архиепископ (более поздние списки московского происхождения вместо князя называют царя, даже царицу, царевича и царевен, а вместо архиепископа — патриарха).

Пространная редакция представлена списками исключительно московского происхождения, в том числе и Синодальным, содержащим текст первой редакции «Слова о законе и благодати»; самый ранний список относится к 1474 г. В конце, где возносится молитва за властей, в этой редакции упоминаются князь или князья и бояре, но духовные лица не упоминаются, равно как и ни в одном, даже позднем, списке нет титула «царь», не говоря уже о царицах, царевичах и царевнах. Все это может быть принято за доказательство большей древности пространной редакции, чем краткой. Следует также отметить, что только в пространной редакции в двух списках в заглавии «Молитва» приписывается «Илариону, митрополиту Руссейскому».

Что касается состава рукописей, содержащих «Молитву», то естественно, что это богослужебные книги — служебники, требники, каноники и часослов (в одном случае); в двух случаях «Молитва» встречается в кормчих книгах. Читалась она в XV—XVII вв. в чине «Новому лету», иногда в чине епитимьи и в некоторых других случаях,²³ но каждый раз при торжественном, праздничном богослужении. Какое назначение имела «Молитва» первоначально, сказать трудно, но, вероятно, все-таки не то, которое ей было придано позднее: в Синодальном списке, где она переписана в конце «Слова о законе и благодати», на полях отмечено: «и на летопровождение сия молитва тожь подобна»; следовательно, писцу этого списка было известно другое употребление этой молитвы, может быть первоначальное. Что же касается слов «сия молитва тожь и подобна», то их можно понимать как свидетельство того, что писцу Синодального списка были известны и две редакции этой «Молитвы», что вполне подтверждается дошедшими до нас ее списками XVI в. Следует отметить, что в XVII в. «Молитва» Илариона начинает выходить из упо-

²³ Эти случаи отмечены в некоторых списках XVI—XVII вв.: «Молитва о гневѣ божи за бездожие и за безвѣдріе ... и за князя и за вся христіанъ» (ГБЛ, Троицк 284); Молитва . . . в нашествіе иноплемєнных и в смертоносіе» (ГИМ, Синод. 274) и т. п.

требления; на одном ее списке того времени (рукопись ГПБ, Соф. 1147) на полях отмечено: «аще ли волит и сию да глаголет», т. е. читать эту «Молитву» тогда уже не было обязательным.

Так сложилась в рукописном наследии судьба произведения, которое рукописная традиция связывала с именем митрополита Илариона крепче, чем «Слово о законе и благодати». Вероятно, поэтому писец Синодального списка и включил ее в Иларионовский цикл, приписав ее к «Слову о законе и благодати», хотя скорее всего «Молитва» не входила в состав «Слова». Писец Синодального списка, очевидно, принял риторический прием — обращение к князю Владимиру, примененный в конце «Слова», за молитву к нему, так как тогда, в XVI в., Владимир давно уже считался святым, и решил продолжить обращение к Владимиру обращением к богу. Окончательно решить вопрос о том, входила ли «Молитва» Илариона в состав «Слова о законе и благодати», можно лишь в результате специального и глубокого исследования обоих этих произведений, что в свою очередь можно будет сделать, лишь имея в руках их научное издание.

Остается еще сказать о трех произведениях XV и XVI вв., в которых было использовано «Слово о законе и благодати».

Первое из них, отнесенное Н. К. Никольским к четвертой, «толковой», по его выражению, редакции «Слова», не представляет интереса: «Слово о законе и благодати» использовано в нем лишь в церковно-полемических целях. Приводятся только те места первой части «Слова», в которых говорится об иудеях, используемые в полемике с «жидовином»; обращением к последнему, следующим за первым отрывком «Слова», начинается толкование в «Слове» библейских образов и пророчеств. Текст «Слова о законе и благодати» приводится при этом по второй его редакции, но со значительными сокращениями и изменениями, главным образом за счет свободного, но тенденциозного пересказа (последнее, может быть, и послужило для Никольского основанием считать это произведение особой редакцией «Слова»). В изложении «Слова» неожиданно и без всякого к тому повода появляется большой кусок из известного «Списка книг пророческих» с толкованием Упыря Лихого и также с некоторыми изменениями. После этой вставки продолжается изложение «Слова о законе и благодати» по частям с толкованиями, в которых приводятся преимущественно цитаты из Ветхого, а иногда и Нового заветов, из сочинений отцов церкви, аскетических писателей и т. п. Все это внушается некоему «жидовину» с целью убедить его в преимуществе «благодати» перед «законом». Изложение «Слова» кончается первыми строками его заключительной части — «Похвалы князю Владимиру» («Хвалит бо Римская страна...»).

Что могло послужить поводом к такому одностороннему использованию содержания «Слова о законе и благодати», сказать трудно: можно лишь предположить, что неизвестного церковника-полемиста привлекло обильное использование в «Слове» библейских тем, сюжетов и цитат. Если это обстоятельство дало основание составителю третьей редакции лишь расширить «Слово» толкованием или дополнительным набором цитат из Ветхого завета, то автору так называемой «толковой» редакции оно дало повод использовать часть «Слова о законе и благодати» в церковно-полемических целях.

Гораздо более интересный и результативный пример использования «Слова о законе и благодати» имеется в двух других произведениях. Одно из них, известное в трех списках (старейший — конца XV в.), озаглавлено: «О крещении Русския земля и от жития вкратце и похвала иже во святых равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимира, на-

реченного в святом крещении Василия, крестившаго всю Русскую землю»; второе, известное в одном списке конца XV в., названо: «Поучение на память иже во святых равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимира, в святем крещении нареченнаго Василия, крестившаго всю русскую землю. Житие и похвала вкратце».

Оба эти произведения близки друг к другу, как уже видно из их заглавий. В рукописях они оба приурочены к 15 июля и оба являются компиляцией из второй редакции «Слова о законе и благодати», различных редакций Жития Владимира и главным образом из летописи, откуда заимствованы рассказы о предках Владимира, о его походах и крещении (так называемая «Корсунская легенда»). Отличаются же они друг от друга, так же как и их заглавия, лишь перестановкой и различной полнотой изложения отдельных источников. Текст «Слова о законе и благодати» приводится в них по второй редакции, по чтениям большинства ее списков.

По жанру оба эти произведения относятся к торжественному красноречию, переходящему в конце в акафистные и молитвенные формы; оба, особенно первое, становятся при этом вычурными и многословными, являются образцом «плетения словес» (автор первого произведения, более пространного, более панегирического, прямо признается: «утрудихся плетый Владимиру венец, но от свершенного далече отстоя»). Все это дает основание признать оба произведения типичными и довольно интересными образцами торжественного красноречия своего времени, дает основания для публикации и изучения их.²⁴

Что же касается содержания этих произведений, то самое интересное в них то, что Владимир Святой смешан с Владимиром Мономахом: «По сих же прииде блаженный Владимир в Суздальскую землю и изволи в свое имя съездати град светел же и красен и нарече и Володимерь на реще Клязме». Далее говорится о построении Успенского собора, о крещении «людей» и о том, что этот город Владимир «возлюбил и почте паче всех град русийских, якоже повсюду того обносится имене». Эта вставка может служить указанием на место появления обоих произведений, на Владимиро-Суздальское княжество, что является доказательством существования в нем широко распространенной рукописной традиции «Слова о законе и благодати» в его второй редакции.

*

Обследование рукописного наследства «Слова о законе и благодати» свидетельствует о распространении его в рукописной книжности в течение шести столетий. Это одно из тех произведений литературы Киевской Руси, которые, выдержав испытание временем, пронесли через века и донесли до нас мысли и чаяния русского народа, вступившего в семью европейских народов с гордым сознанием своего равноправия, своей исторической значимости. Пусть все это выражено в религиозно-нравоучительной форме, с широким использованием библейских образов, сюжетов и цитат, но иначе и не могло быть во времена безраздельного господства богословия в области идеологии. «„Слово о законе и благодати“, построенное по схеме византийских проповедей, пользующееся общехристианской, неоригинальной символикой, посвящено большой и очень важной для

²⁴ А. И. Соболевский, опубликовавший первое из этих сочинений, явно недооценил его, так как в его руки попал самый поздний список, список XVII в., когда подобное «плетение словес» было уже архаизмом, пережитком древней традиции.

реченного в святом крещении Василия, крестившаго всю Русскую землю»; второе, известное в одном списке конца XV в., названо: «Поучение на память иже во святых равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимира, в святем крещении нареченнаго Василия, крестившаго всю русскую землю. Житие и похвала вкратце».

Оба эти произведения близки друг к другу, как уже видно из их заглавий. В рукописях они оба приурочены к 15 июля и оба являются компиляцией из второй редакции «Слова о законе и благодати», различных редакций Жития Владимира и главным образом из летописи, откуда заимствованы рассказы о предках Владимира, о его походах и крещении (так называемая «Корсунская легенда»). Отличаются же они друг от друга, так же как и их заглавия, лишь перестановкой и различной полнотой изложения отдельных источников. Текст «Слова о законе и благодати» приводится в них по второй редакции, по чтениям большинства ее списков.

По жанру оба эти произведения относятся к торжественному красноречию, переходящему в конце в акафистные и молитвенные формы; оба, особенно первое, становятся при этом вычурными и многословными, являются образцом «плетения словес» (автор первого произведения, более пространного, более панегирического, прямо признается: «утрудихся плетый Владимиру венец, но от свершенного далече отстоя»). Все это дает основание признать оба произведения типичными и довольно интересными образцами торжественного красноречия своего времени, дает основания для публикации и изучения их.²⁴

Что же касается содержания этих произведений, то самое интересное в них то, что Владимир Святой смешан с Владимиром Мономахом: «По сих же прииде блаженный Владимир в Суздальскую землю и изволи в свое имя съездати град светел же и красен и нарече и Воладимерь на реце Клязме». Далее говорится о построении Успенского собора, о крещении «людей» и о том, что этот город Владимир «возлюби и почте паче всех град русийских, якоже повсюду того обносится имене». Эта вставка может служить указанием на место появления обоих произведений, на Владимиро-Суздальское княжество, что является доказательством существования в нем широко распространенной рукописной традиции «Слова о законе и благодати» в его второй редакции.

*

Обследование рукописного наследства «Слова о законе и благодати» свидетельствует о распространении его в рукописной книжности в течение шести столетий. Это одно из тех произведений литературы Киевской Руси, которые, выдержав испытание временем, пронесли через века и донесли до нас мысли и чаяния русского народа, вступившего в семью европейских народов с гордым сознанием своего равноправия, своей исторической значимости. Пусть все это выражено в религиозно-нравоучительной форме, с широким использованием библейских образов, сюжетов и цитат, но иначе и не могло быть во времена безраздельного господства богословия в области идеологии. «„Слово о законе и благодати“, построенное по схеме византийских проповедей, пользующееся общехристианской, неоригинальной символикой, посвящено большой и очень важной для

²⁴ А. И. Соболевский, опубликовавший первое из этих сочинений, явно недооценил его, так как в его руки попал самый поздний список, список XVII в., когда подобное «плетение словес» было уже архаизмом, пережитком древней традиции.

своего времени теме». Его автор «создал своеобразное учение о равноправности всех народов».²⁵ «История Руси и ее крещения изображены ... как следствие развития мировых событий», автор «с большим воодушевлением говорит о Руси, о ее месте среди стран всего мира ... „Слово“ от начала до конца представляет собой стройное развитие единой патриотической мысли».²⁶

Подобных примеров высокой оценки «Слова о законе и благодати» современными исследователями можно было бы привести множество. Однако это произведение требует не только похвал, которых за последние сто лет накопилось достаточно, но и более пристального изучения, основанного на тщательнейшем анализе его рукописной традиции, с привлечением данных истории других литературных памятников, обязанных своим происхождением «Слову».

Все это ставит в порядок дня вопрос о новом, критическом издании всех редакций и переработок «Слова о законе и благодати» по всем сохранившимся их спискам.²⁷

²⁵ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. Л., 1952, стр. 154.

²⁶ История русской литературы, т. I, стр. 45.

²⁷ Когда настоящая статья уже печаталась, было обнаружено еще одно произведение, в котором использовано «Слово о законе и благодати» — «Похвальное слово великому князю Василию III Ивановичу», находящееся в сборнике ГПБ XVII в. библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (№ 131/1208). Это весьма пространное и велеречивое произведение, в рукописи не озаглавленное и не имеющее конца. В него вставлены целые куски из заключительной части «Слова о законе и благодати» — похвалы князю Владимиру, передресованные Василию III Ивановичу.